

О.Б. Степанова

ТУРУХАНСКИЕ СЕЛЬКУПЫ: ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ
(по материалам экспедиции 2014 г.
в Туруханский район Красноярского края)

В череде моих экспедиций к северным селькупам первая поездка к группе туруханских селькупов смогла состояться довольно поздно, лишь в 2014 г. Одной из причин тому стало местоположение данной группы, изолированное от основной части народа. Туруханские селькупы проживают в Туруханском районе Красноярского края, тогда как большая часть их сородичей — северных селькупов — расселена в другом субъекте РФ — в Ямало-Ненецком автономном округе Тюменской области, в бассейне реки Таз. Территории расселения тазовских и туруханских селькупов имеют общую административную границу, но регулярное транспортное сообщение между ними осуществляется по «дальному кругу» — через города Тюмень и Красноярск, поэтому легко, быстро и недорого переехать от тазовских селькупов к туруханским и наоборот невозможно.

Целью моей экспедиции, разумеется, было первичное (и, насколько это возможно, всестороннее) этнографическое описание туруханских селькупов, а неизбежным моментом — их сравнение с более многочисленной группой тазовских селькупов, которые были объектом моего изучения во всех предыдущих поездках (о результатах этих поездок см.: [Степанова 2005, 2013]). В данной публикации представлен мой «сторонний» взгляд на туруханских селькупов сразу в двух смыслах — как чужого человека и этнографа, впервые посетившего данную группу, а также как (условно говоря) «своего» представителя другой части этого народа (но с другой стороны границы, из другого региона), который непроизвольно, «по-родственному», проводит бытовые (и не только) параллели.

Также объектом моего внимания неизбежно стали и другие коренные малочисленные народы Севера (далее — КМНС), длительное время проживающие бок о бок с туруханскими селькупками и связанные с ними процессами ассимиляции и культурного влияния.

Первый населенный пункт экспедиции — село Туруханск, районный центр Туруханского района, расположенный на правом берегу р. Енисей в месте впадения в него р. Нижняя Тунгуска. Селькупское население села Туруханск составляет 72 человека. По сведениям отдела по делам КМНС Туруханского района, эти селькупы адаптировались к городской среде (Туруханск 10 лет назад имел статус города), не знают родного языка, забыли культуру и не ведут традиционного образа жизни («Лишь два человека заявили по программе поддержки КМНС»). Изучение селькупского сообщества с такой характеристикой не входило в планы моей поездки, поэтому здесь лишь отмечу, что это сообщество существует.

Главным достоинством Туруханска является его история: с XVII в. Туруханск был форпостом освоения Российским государством енисейского Севера, зоной контактов и ассимиляции коренных народов русскими, а также местом оседания обрусевших селькупов. Говоря о моих рабочих интересах в городе-селе Туруханск, необходимо назвать два учреждения, с которыми я была здесь наибольшим образом связана. В первую очередь это Туруханский муниципальный архив, где хранятся ценнейшие материалы по истории (административной, хозяйственной, этнической) северных селькупов советского времени (начиная с 30-х годов прошлого века), а также отдел по делам КМНС при Территориальном управлении администрации Туруханского района, предоставивший мне значительное количество сведений о современном селькупском населении края.

Трудно переоценить помощь, оказанную мне в проведении экспедиции заместителем главы администрации Туруханского района В.К. Поздняковой. Воспользовавшись приближающимися выборами губернатора Красноярского края, намеченными на 14 сентября 2014 г., она трижды включала меня в состав пассажиров вертолетов, которые с целью обеспечения досрочного голосования облетали с избирательной урной места проживания селькупов (поселки и лесные угодья). Таким способом мне удалось побывать в поселке Янов Стан, где в конце 1920-х годов была открыта первая в Сибири туземная школа для коренных народов Севера и преподавали ленинградские ученые Г.Н. и Е.Д. Прокофьевы (рис. 1), селе Совречка, селе Фарково, на лесных угодьях Тамарино, Фигурное, Налимье, Усть-Баиха, Ладыжское, Березовая, Ладыга, Орлиное, Момчик, Русский

Рис. 1. Дом, в котором в 1925–1928 гг. располагалась туземная школа, где преподавали Г.Н. и Е.Д. Прокофьевы. Поселок Янов Стан, Туруханский район Красноярского края. Фото автора. 2014 г.

Рис. 2. Вид села Фаркуво Туруханского района Красноярского края. Фото автора. 2014 г.

Ковш, оз. Номнякит, Малое Советское оз., Большое Советское оз., Подвальное, оз. Малый Дюгакит и Речка Данила.

Следующий после Туруханска пункт экспедиционной работы проводилась стационарно, — село Фарково (рис. 2), расположенное на р. Турухан, левом притоке Енисея. По воде расстояние от Туруханска до Фарково около 90 км, вертолетом «по прямой» туда лететь 15–20 минут. В Фарково компактно проживает большая часть селькупов Туруханского района — 229 из 373 человек. Кроме селькупов, в селе проживает 9 кето, 2 эвенка и 49 русских (данные районного отдела по делам КМНС на 1 января 2014 г.). 72 человека в селе Фарково имеют статус представителя КМНС, ведущих традиционный образ жизни. Этим сведениям, предоставленным заместителем главы администрации с. Фарково Т.Р. Зуевой, необходимо дать пояснения. 72 представителя КМНС (плюс несовершеннолетние члены их семей), имея прописку в Фарково, живут на лесных угодьях круглый год или большую часть года, получая, помимо общероссийских социальных выплат (пенсий и пособий на детей), пособие «по поддержке КМНС», которое на сегодняшний день составляет 3695 руб./мес. Остальным представителям КМНС, постоянно проживающим в селе, это пособие не выплачивается (однако это не означает, что они совсем забыли традиционный образ жизни: в сентябре, например, на одну-две недели все мужчины села выезжают в лес на промысел). Проживающие на лесных угодьях приезжают в село за продуктами и бензином. Некоторые делают это два раза в год. Самая распространенная практика — приезжать в село на лето, когда в лесу много мошки и комаров и не сезон для охоты и рыбалки, а в сентябре возвращаться в лес до мая. Мужчины, у кого семьи постоянно проживают в селе, приезжают еще и на новогодние праздники.

Посещения села зависят также от того, как далеко расположено лесное хозяйство, и от сезона (погоды): с начала октября, когда на реках появляется шуга, перемещения на лодках прекращаются, возобновляются они по установлению прочного ледяного покрова уже на снегоходах. То же самое происходит весной, но уже в обратном порядке. Оленей у бахинских селькупов на сегодняшний день нет, да и раньше было мало (последних домашних оленей здесь держали в 1970-х годах), поэтому нет и такого транспортного средства, как

Рис. 3. Вид на лесное хозяйство Русский Ковш близ села Фарково Туруханского района Красноярского края. Фото автора. 2014 г.

оленья упряжка. Наблюдается устойчивая тенденция к уменьшению количества молодежи, проживающей в лесу, и зависимости срока проживания от возраста — чем моложе рыбак-охотник, тем меньше времени он желает проводить в лесу.

В округе села Фарково, по данным сельской администрации, насчитывается около 25 лесных хозяйств: Налимье, Русский Ковш (рис. 3), Пеляжье, Чировое, Орловое, Выдра, Медведь, Ладыга, Березовое, Черемушки, Фактория, Мыс Горелый, Ладожское, Тамарово-Адра, Убыльто, Черошки, Костер, Момчик, Усть-Порье, Мишкина речка, Щучье, Фигурное, Усть-Баиха и Духовое (орфография полученного мною в сельской администрации списка сохранена). Большая часть из них расположена в бассейне рек Верхняя и Нижняя Баиха (отсюда название — баишенские/баихинские селькупы, которое используется наряду с названием туруханские селькупы) — правых притоков р. Турухан.

Во время пребывания в с. Фарково мне удалось съездить в лесные хозяйства Усть-Баиха, Черошки и Ладыга. Осмотр лесных селькуп-

ских хозяйств, проведенный в ходе экспедиционной работы, позволяет сделать обобщенное описание лесного хозяйства баишенских селькупов. Это хозяйство на одну-две семьи. Жилые постройки представлены срубным однокомнатным (реже двухкомнатным) домом с сенями (вариантов сеней тоже несколько: с внешней дверью и без, побольше и поменьше, пристроенные или под одной крышей с домом), двускатной крышей, крытой, как правило, рубероидом, с зашитым фронтоном (или незашитым с одной стороны), обогреваемым чугунной/стальной печкой-буржуйкой. Хозяйственные постройки — сараи — представлены двумя типами: обычный бревенчатый/жердевой/дощатый сарай с односкатной/двускатной крышей, с дверью или без, с двумя дверными проемами друг против друга, и *кор* — маленький бревенчатый сарайчик на сваях, типичный для северных селькупов. Две нежилые постройки-сруба — в хозяйствах Березовое и Русский Ковш — имели плоскую крышу и были покрыты дерном. Летних кухонь под навесом, как у тазовских селькупов, баихинские селькупы, по всей видимости, не устраивают. Во всех хозяйствах при внешнем осмотре были зафиксированы срубные бани, вешала для рыбы и сетей, моторные лодки, снегоходы, дощатые туалеты и будки для собак.

В бывшем селе-фактории Усть-Баиха, которое до 1978 г. для баишенских селькупов было центрообразующим селом с сельсоветом (впоследствии перенесенным в село Фарково), стоят старые дома (времен сельсовета), крытые досками; два (из пяти) на сегодняшний день жилых дома отремонтированы и покрыты уже рубероидом.

Как мне удалось выяснить, некоторые селькупские семьи имеют второе лесное хозяйство — зимнее. Таким образом, можно заключить, что баихинские селькупы сохраняют традиционную систему жизнеобеспечения — традиционное хозяйство, традиционные виды деятельности — и ведут полукочевой образ жизни.

Главная проблема села — трудовая занятость населения. В Фарково есть школа-интернат, где проживают 27 детей (главным образом из с. Совречка) и куда ходят на занятия фарковские «домашние» дети, детский сад (на сегодняшний день в нем числится 21 ребенок), две котельные при интернате и детском саду, клуб, библиотека, два магазина, администрация села, почта, ФАП и филиал туруханского ЖКХ. Последний обеспечивает работой трех человек мужского

пола, которые работают в котельных, на электростанции и возят на двух тракторах от реки в нужную точку села грузы (преимущественно уголь для котельных), которые прибывают по воде из Туруханска или Красноярска. Эти организации не могут обеспечить работой все трудоспособное население села (например, в садике очередь на место уборщицы на следующее лето расписана уже в этом году), особенно мужское население: воспитатели, учителя, уборщицы, повара, продавцы, фельдшер здесь — женские специальности. Для рыбаков-охотников, которые проживают/прописаны в селе, работы нет.

Вопрос, как вписать свою традиционную систему жизнеобеспечения в современные экономические реалии района (края, страны), для баихинских селькупов (как и для других сибирских народов) был актуален последние лет сто. В советское время организатором/администратором их хозяйственной деятельности выступало государство. С начала колхозного строительства и до середины 1990-х годов в Фарково (а до 1978 г. Усть-Баихе) был колхоз-промхоз-совхоз (колхоз им. П.Г. Смидовича / госпромхоз «Северотуруханский» / совхоз «Тунгусский»), он обеспечивал приемку рыбы (рыба на плашкоутах отправлялась на рыбоперерабатывающий завод в Туруханске), мяса, пушнины, грибов, ягод и был главным работодателем для основной части местного населения, позволяя ему сохранять традиционный образ жизни. Это государственное сельхозпредприятие было нерентабельным и всячески поддерживалось учредителем. Рыбаки и охотники из числа КМНС, как известно, могут быть только рыбаками и охотниками и не умеют добывать средства к существованию вне традиционных видов деятельности.

Сегодня сельхозпредприятия в Фарково нет, регулярный сбыт продукции рыболовного и охотничьего промыслов отсутствует: Туруханский рыбзавод закрылся более 15 лет назад. По словам Т.Р. Зуевой, зимой охотники сдают пушнину в один из сельских магазинов, но закупочные цены сильно зависят от сортности шкурок. За счет сдачи пушнины отдают часть долга, который накапливают, когда отовариваются перед отъездом в лес. Очевидно, что без поддержки государства решить проблему организации сбыта продукции рыболовного и охотничьего промыслов фарковцы не смогут.

Сегодняшнее государство прекрасно понимает суть данной (главной!) проблемы всех коренных народов Сибири и находится в постоянном поиске механизмов ее решения. В 2000-х годах по программам краевых/областных администраций (адаптирующим на уровне субъектов Федерации общероссийские национальные проекты) в районах проживания народов Севера по всей стране стали создаваться родовые производственные некоммерческие объединения из представителей КМНС — общины. По замыслу посредством этих общин должна была обеспечиваться заинтересованность КМНС в ведении традиционного образа жизни, трудоузанность КМНС, осуществляться их государственная материальная поддержка и происходить защита их интересов. Программы предусматривали субсидии для общины за каждый килограмм произведенной и реализованной сельхозпродукции, в этом и заключался их смысл.

В Фарково в эти годы были зарегистрированы пять родовых производственных объединений: семейные общины «Кэнд», «Березка», «Рассвет» и родовые общины «Тайга» и «Кедр». Сбыт продукции им было предложено осуществлять самостоятельно, что оказалось для них делом неподъемным. Как удалось выяснить, сельский интернат и детский сад имеют договоры на поставку рыбы с одним из местных рыбаков-единоличников, пенсионером, но потребительская способность этих учреждений очень невелика. Мясо дичи и диких животных (лося и оленя) сад и интернат закупать не могут, это запрещено контролирующими инстанциями из сферы образования. Этим летом пришел в Фарково частный катер с морозилкой, который принял у населения несколько тонн рыбы — в долг, без оплаты — и увез в Красноярск, где делал попытки ее продать. В конце сентября некоторые из фарковцев еще ждали своих денег, но большинство решило, что их обманули. Очевидно, что общины не выполняют тех функций, которые были заложены в их основу/идею, и слова общинников о бессмысленности общин — «община ничего не дает» — полностью соответствуют действительности. С весны 2014 г. субсидирование продукции промыслов (по-видимому, как не достигшее своей цели не только у фарковцев) было в принципе отменено. Проблема сбыта у фарковских рыбаков-охотников по сей день остается самой актуальной.

Один из фарковских магазинов закупает у населения ягоды — чернику, бруснику и клюкву. Но эта закупка имеет ограничения, и люди, используя любую оказию, вывозят мешки с собранной клюквой вертолетом в Туруханск, надеясь найти сбыт там.

Политику поддержки КМНС в Туруханском районе уже много лет регламентируют государственные программы, принимаемые органами государственной власти в Красноярском крае и финансируемые ими. В 2014 г. районный отдел по делам КМНС руководствовался двумя такими программами разного срока действия: «Коренные малочисленные народы Красноярского края» (2012–2014 гг.) и «Создание условий для сохранения традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Красноярского края и защиты их исконной среды обитания» (2014–2016 гг.) с подпрограммой «Поддержка лиц из числа коренных малочисленных народов Красноярского края и лиц, ведущих традиционный образ жизни». Кроме решения проблемы сбыта продукции традиционных промыслов, программы по поддержке КМНС предусматривают и другие меры помощи. Согласно этим законодательным документам в Туруханском районе в указанный период лицам из числа КМНС оказывалась следующая поддержка:

- оплата труда служащих отдела по делам КМНС;
- выплата лицам из числа КМНС ежемесячного пособия;
- единовременная компенсационная выплата на заброску в лес;
- безвозмездное предоставление товарно-материальных ценностей (далее — тмц. — *О.С.*): снегоходов, лодочных моторов, генераторов, радиостанций, войлока, капканов, палаток, спальных мешков, брезента, сетевого полотна и пр.;
- уплата налога за безвозмездное получение тмц;
- обеспечение детей из числа КМНС проездом от места проживания родителей до интерната и обратно;
- денежная компенсация на содержание северных оленей;
- выдача аптек с лекарствами первой необходимости;
- предоставление комплектов для новорожденных;
- организация и проведение праздников (Дня оленевода, Дня рыбака и Дня реки);
- заброска рыбаков и охотников на лесные угодья вертолетом;

- предоставление и доставка строительных и отделочных материалов для осуществления индивидуального строительства;
- оказание стоматологических услуг;
- выдача санаторно-курортных путевок;
- студентам из числа КМНС: дополнительная ежемесячная стипендия, компенсация расходов на проезд к месту учебы и обратно, компенсация расходов за оплату обучения;
- оплата участия КМНС в мероприятиях межмуниципального, краевого и федерального уровня.

Как следует из опросов информантов, эту помощь лица из числа КМНС Туруханского района действительно получают, но из-за недостаточности поступающего финансирования она строго регламентирована. Товарно-материальные ценности, например, выделяются на каждого главу семьи (безотносительно его муниципальной принадлежности) согласно поданной им заявке, в строгой очередности, со строгой периодичностью: один раз в семь лет выдается дорогостоящий товар: снегоход, миниэлектростанция (генератор) или мотор, и один раз в три года выдаются товары менее дорогостоящие: палатки, капканы, сети и прочий рыболовно-охотничий инвентарь. Снегоходы появились в списке выдаваемых тмц только в 2014 г. и частично должны оплачиваться самими представителями КМНС в доле 90 тыс. руб. из 280 тыс. руб. (13 % НДС оплачивает отдел по делам КМНС). В 2014 г. в Туруханском районе было выдано два снегохода, на 2015 г. запланировано распределить шесть снегоходов. В лесном хозяйстве Усть-Баиха я видела два отремонтированных старых дома (с окнами-стеклопакетами, новой, крытой рубероидом крышей, отреставрированными кирпичными печками). Стройматериалы для ремонта были закуплены и доставлены за счет средств, выделяемых по программам поддержки лиц из числа КМНС. При отсутствии поступления средств на реализацию того или иного программного пункта эта помощь не оказывается. Например, в 2013 г. семьи района, ведущие традиционный образ жизни, не получили аптек.

В программе поддержки КМНС на 2014–2016 гг. появились гранты. Гранты выдаются победителям (юридическому лицу, индивидуальному предпринимателю или физическому лицу) конкурса грантовых проектов по трем номинациям: 1) организация добычи

и реализации продукции традиционных видов хозяйственной деятельности КМНС (1 млн руб.); 2) организация производства пищевой продукции и напитков, связанная с производством, переработкой и консервированием продукции традиционной хозяйственной деятельности (2 млн руб.); 3) приобщение детей и подростков к родной культуре, языку, национальным видам спорта и традиционным видам хозяйственной деятельности КМНС (150 тыс. руб.).

Помимо уже названных мер поддержки для представителей КМНС (и лиц, не относящихся к КМНС, но постоянно проживающих в местах их традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности, для которых охота и рыболовство являются основой существования), в Красноярском крае установлены нормативы на бесплатную добычу объектов животного мира для личных нужд (табл. 1, 2).

Таблица 1

**Нормативы на добычу рыбы для лиц из числа КМНС
Туруханского района (в кг на 1 человека на 1 календарный год)**

Таймень	5
Чир	10
Сиг	20
Пелядь	15
Хариус	10
Ряпушка	30
Корюшка	5
Тугун	5
Окунь	200
Налим	200
Щука	200
Плотва	200
Елец	200
Карась	200
Язь	200

(Сведения предоставлены отделом по делам КМНС администрации Туруханского района.)

Таблица 2

Нормативы на добычу объектов животного мира для лиц из числа КМНС Туруханского района (в шт. на 1 человека на 1 календарный год)

Район	Дикий северный олень	Лось	Медведь	Соболь	Глухарь	Прочие пушные	Прочие пернатые
Туруханский (от Северного полярного круга до южной границы района)	1	1	1	25	10	1	1

(Сведения предоставлены отделом по делам КМНС администрации Туруханского района.)

Жителям Туруханского района, попадающим под вышеназванную категорию лиц, в охотничьем билете ставится особая печать. Все остальные охотники и рыбаки — любители-единоличники и промысловые артели — должны покупать лицензии, квотирующие объемы добычи.

Возвращаясь к характеристике села Фарково, нужно сказать, что село это очень бедное и во многом неблагополучное. У тех жителей, которые имеют в селе работу, мизерные зарплаты. В селе нет сотовой связи, и очень плохо работает Интернет. Телевизоры показывают два канала. С 1990-х годов здесь ничего нового не строили. Лишь в этом году, летом, начали возводить новое здание школы. Но из-за долгого прохождения тендера строительство началось не в июне, а в августе. Новую школу решили поставить на месте старой, для чего здание старой школы разобрали. Первого сентября у детей начались занятия — одно помещение для занятий выделили в корпусе интерната за счет уплотнения в спальнях комнатах, другое — в здании детского сада, где были вынуждены объединить ясельную и собственно детсадовскую группы. В таком положении дети будут

жить до нового года. В новом здании школы, как и в старом, не будет ни столовой, ни спортзала. Строит школу бригада строителей из Игарки.

Здание детского сада (постройки 1980 г.) тоже давно нуждается в ремонте — у него течет крыша, не закрываются двери, сломана электрика и т.д. Однако местами в саду в селе обеспечены все нуждающиеся. Плата за детский сад составляет 925 руб. в месяц.

Сухопутной дороги, связывающей летом Фарково с районным центром, нет, сообщение в этих краях осуществляется по водным артериям — рекам Турухан и Енисей, по воздуху вертолетами и зимой по зимникам.

Все дома в Фарково, кроме детского сада и интерната, имеют печное отопление. Заготовка дров для льготных категорий граждан, выделение делянок для самостоятельной заготовки дров, доставка их в село — обязанность туруханского ЖКХ.

В селе нет ни канализации, ни водопровода. Воду в учреждения и жилые дома возят из р. Турухан на телеге, в которую запрягают единственного на все село коня Сивку. Бутилированной воды в магазинах Фарково не продают (да и в магазинах Туруханска такую отыскать трудно, но в Туруханске воду забирают из Енисея — она лучше).

В Фарково 40 домов, но половина находится в аварийном состоянии: старые, гнилые, подтапливаются, покосились или «вросли в землю». При каждом доме в Фарково есть земельный участок. Здесь выращивают в основном картошку, у нескольких хозяйств есть теплицы (выращивают огурцы) и кусты смородины. Многие огороды в Фарково заброшены. Жители собирают черемуху и красную рябину. Мне рассказывали, что все фарковцы любят грибы и запасают их на зиму, хотя раньше селькупы не употребляли грибы в пищу вообще, а местные русские употребляли, но не заготавливали.

Нельзя не упомянуть еще о двух фарковских проблемах. Первая: на территории села скопилось много старой сломанной машинной техники, которая портит вид села, расположенного в очень красивом месте. Вторая: существуют определенные трудности с утилизацией мусора, создание мусорного полигона их не решило.

Традиционную духовную культуру фарковские селькупы сохраняют хуже тазовских. Среди них мне удалось найти лишь одного

человека, который знает фольклорные тексты, — Г.П. Кукушкина, проживающего в лесном хозяйстве Ладыга. Был еще один восьмидесятилетний старик, знавший сказки, но он умер в августе 2014 года. Вывод о значительной степени забвения традиционного мировоззрения и обрядности подтвердил и мой визит на сельское кладбище. Было зафиксировано, что все наземные сооружения выполнены в христианской погребальной традиции. Из селькупской погребальной атрибутики я нашла здесь лишь две эмалированные кружки с пробитым дном, висящий на дереве школьный рюкзак умершего ребенка, и у двух могильных холмиков были сделаны бортики и рядом лежали доски, чем-то напоминающие покрышки. Правда, потом в администрации села мне рассказали, что селькупские могилы имеют отличия во внутреннем устройстве: гроб помещают на дно глубокой, около 2 м, ямы, по ее углам устанавливают столбы, на которые на расстоянии 0,5 м над крышкой гроба укладывают доски, образующие полати/помост. Имуущество покойного (все испорченное: «пуговицы срезают») в узле кладут на крышку гроба или на могилу (как показал осмотр кладбища, на могилах никаких вещей нет). В могилу также сваливают все доски, жерди, оставшиеся от ее подготовки. Также со слов информантов: «Гроб нельзя делать, пока человек не умер. Как в городах сейчас покупают готовые гробы в похоронных агентствах... Было время, в 90-е, доски в селе не было — гробы делали из старых гнилых досок, сдирали их с крыш. Теперь делать гробы никто не умеет. Раньше могилы не навешали, теперь навешают, как у русских, по родительским дням. Традиция класть под порогом дома для защиты от покойников топор или нож существует, но только иногда» [ПМА 2014].

Поскольку фарковские селькупы не держат оленей, День оленевода в селе не отмечают. Районная администрация в начале июля устраивает для жителей Фарково День рыбака. В последние годы День рыбака и День реки во всех национальных селах Туруханского района финансируются отделом по делам КМНС районной администрации (по программам поддержки КМНС). Кроме села Совречка, где проживают оленные эвенки и селькупы и вблизи которого расположено Ванкорское нефтегазовое месторождение (очень большое по разведанным запасам), здесь спонсором праздников — Дня рыбака и Дня оленевода — выступает компания «Ванкорнефть».

Из Фарково мной был совершен выезд в лесное хозяйство Ладыга на р. Верхняя Баиха, где круглый год проживает супружеская чета Кукушкиных (рис. 4–6). Геннадий Поликарпович Кукушкин (1949 г.р.) считает себя кето по происхождению, но всю жизнь прожил среди селькупов, говорит на русском, селькупском и кетском языках. Его отец, кето, попал в селькупскую среду в молодости. Мать Геннадия Поликарповича была селькупкой. Жена, Елизавета Александровна Кукушкина (1957 г.р.), по отцу Кусамину, тоже селькупка. И Геннадий Поликарпович, и Елизавета Александровна родились и всю жизнь прожили на Ладыге. У Кукушкиных 10 взрослых детей.

Лесное хозяйство Кукушкиных находится на месте бывшей фабрики Ладыга (ее и сейчас часто называют Фабрика или Фабрика Ладыга). В советские времена здесь были засольная, магазин и пекарня (ФАПа не было). Семья Кукушкиных занимает (и поддержи-

Рис. 4. Г.П. Кукушкин, лесное хозяйство Ладыга на р. Верхняя Баиха. Туруханский район Красноярского края. Фото автора. 2014 г.

Рис. 5. Е.А. Кукушкина за ощипыванием глухарки, лесное хозяйство Ладыга на р. Верхняя Баиха. Туруханский район Красноярского края. Фото автора. 2014 г.

Рис. 6. Семья Кукушкиных, лесное хозяйство Ладыга на р. Верхняя Баиха. Туруханский район Красноярского края. Фото автора. 2014 г.

вает в жилом состоянии) два срубных дома, оставшихся от фактории: двухкомнатный (одна комната нежилая) с сенями (в нем раньше останавливались рыбаки и охотники) и однокомнатный без сеней (в нем когда-то был магазин). Кроме двух жилых домов, в хозяйстве есть еще два сруба — баня и сарай, а также сарай из досок и жердей, вешала для рыбы, будки для собак. В быту Кукушкины продолжают использовать множество традиционных вещей. Проверять сети Геннадий Поликарпович и его сыновья ходят на лодках-долбленках (*анды*), их в хозяйстве две — маленькая на одного человека и большая — на двоих. В их обиходе также *пильпо* — инструмент для выделки шкур, *куям* и *кетыли* — берестяные изделия для сбора ягод, *амырса* — деревянное блюдо, мужские самодельные ножи в ножнах, женская игольница, *мирсан* — рубанок, лыжи и т.д. Родители смогли передать навыки изготовления традиционных предметов быта детям. Близ места, где живут Кукушкины, сохранились два старых захоронения младенцев в стволах растущих деревьев: захоронение девочки в кедре и мальчика в лиственнице.

У Кукушкиных в лесу есть еще одно хозяйство — зимнее, на озере — Марьинка, в 25 км от Ладьги. Там у них стоят «избушки рубленные и *кор'ы* — амбары на сваях». Они должны уехать туда на зиму. Поедут на буране, «когда замерзнет».

Ни старшие Кукушкины, ни их дети в общинах не состояли и не состоят, мотивируя это бесполезностью последних, но хорошо знают границы своих родовых угодий («отсюда на запад 25 км») и декларируют себя их полноправными хозяевами.

Геннадий Поликарпович знает множество селькупских и кетских сказок и может рассказывать их на трех языках. По его словам, сказки он знает от отца, который был талантливым и артистичным сказителем. В селе мне говорили, что сказки, которые Геннадий Поликарпович рассказывает, он слышал от одного из учителей, когда учился в интернате. Якобы он всегда сидел на уроках того учителя на первой парте и не пропускал ни одного его слова.

Как уже упоминалось, благодаря выборному вертолету мне удалось посетить национальное село Совречка (рис. 7) (стоит на слиянии р. Советская речка и р. Ирба) и шесть стойбищ в его округе. Район села Совречка и системы Советских озер расположен к северо-западу от Фарково и Туруханска и на значительном уда-

Рис. 7. Поселок Совречка, Туруханский район Красноярского края.
Фото автора. 2014 г.

лении от них. Он подступает к Полярному кругу и граничит с Тюменской областью на широте среднего течения р. Таз (ближайший населенный пункт — с. Красноселькуп), по природным условиям большую часть его территории занимает тундра (но есть и лесотундра, и тайга). По данным отдела по делам КМНС Туруханского района на 1 января 2014 г., в селе проживали 119 эвенков, 32 селькупа, 5 кето и 4 ненца. 45 сельчан получают пособие по поддержке КМНС и вместе с детьми проживают на близлежащих лесных угодьях (у каждой семьи по два лесных хозяйства — летнее и зимнее). Хозяйственный уклад совреченцев определяется не только охотой и рыболовством, как у фарковцев, но и оленеводством. Совреченская группа оленеводов Севера очень интересна в этногенетическом, социальном и культурно-хозяйственном плане и заслуживает отдельного исследования. Поэтому ее рассмотрение здесь я ограничу краткой характеристикой современных сельских проблем.

Для села Совречка характерны почти те же проблемы, что и для села Фарково: отсутствие организованной приемки продукции тра-

диционных промыслов (те же самые мешки с ягодами у вертолета), недофинансирование (та же грязь на дорогах внутри села, отсутствие клуба). В селе есть детский сад, куда ходят 3 ребенка и где работают 4 человека персонала, а также начальная школа. Школы-интерната в Совречке нет уже давно. Дети постарше учатся в школе-интернате в Фарково. Как в Фарково со второй попытки строят школу, так в Совречке уже дважды выделялись деньги на новый клуб.

«На озерах» (так в Совречке называют лесные угодья) есть сотовая связь, там, например, узнали о выборном вертолете раньше, чем в самом селе. Этим совреченцы обязаны тому, что Совречка соседствует с Ванкорским месторождением нефти, и компания «Ванкорнефть» поставила в селе мощную антенну. В Совречке, в отличие от Фарково, есть качественный Интернет, многоканальное телевидение и сотовая связь.

«Ванкорнефть» в некотором смысле взяла шефство над селом Совречка. За ее счет в селе будет построен новый клуб, уже возведены три новых дома для погорельцев. Эта же компания финансирует подарки на празднике День оленевода. Есть информация, что «Ванкорнефть» имеет виды на часть пастбищных земель местных оленеводов, где была найдена нефть. По сведениям заместителя главы администрации Туруханского района В.К. Поздняковой, компания «Ванкорнефть» — единственный богатый спонсор в районе.

В течение всей поездки я, наблюдая и изучая жизнь туруханских селькупов, проводила сравнение современного положения туруханских селькупов с положением их сородичей в Тюменской области. И с той и с другой стороны административной границы политика государства единообразна и проводится в русле поддержки и создания условий для заинтересованности представителей КМНС в ведении традиционного образа жизни, поскольку к другим реалиям все они адаптируются плохо. Однако степень этой поддержки в двух регионах заметно различается, и сравнение, однозначно, будет не в пользу Красноярского края. Начать можно с того, что у селькупов Тюменской области пособие почти на 1 тыс. руб. больше. Но это не главное. Главная среди мер поддержки — это организация сбыта (приемки) продукции традиционных промыслов. В Красноярском крае я не увидела даже попыток воссоздания системы приемных пунктов. В Тюменской области ценой немалых трудностей и усилий

приемка продукции рыбного и охотничьего промыслов организована повсеместно.

Во всех селах Тюменской области, где проживают селькупы, действуют сельхозпредприятия, среди направлений их работы в обязательном порядке присутствуют традиционные для КМНС виды деятельности, а также национальные производственные общины, выступающие в роли такого сельхозпредприятия. Эти организации имеют в штате бригады рыбаков и охотников из числа КМНС, устраивают промысловые угодья, экипируют и авансируют своих работников перед началом промысловых сезонов. За последние двадцать лет они неоднократно банкротились, и окружные власти, не жалея средств, проводили их реанимацию, поскольку без них поддержка КМНС невозможна.

Десять лет назад в Тюменской области была возрождена система факторий — оборудованных станций, опорных пунктов с комплексом услуг, необходимых промысловому населению. Каждая фактория имеет приемный пункт с установкой шоковой заморозки рыбы и холодильником, а также мини-электростанцию, оборудование для связи, баню, ФАП, жилые балки и магазин. Организован также вывоз продукции с факторий. Фактории закреплены за вышеупомянутыми предприятиями агропромышленного комплекса или общинами. В Красноселькупском районе вывоз продукции традиционных промыслов (как и всякий другой вывоз и ввоз) связан с дополнительными трудностями, обусловленными географическим положением района, не имеющего ни сухопутного, ни речного сообщения с Большой землей. Тем не менее с вывозом здесь справляются. Говоря о мерах по поддержке КМНС в Красноселькупском районе, можно также вспомнить историю, как в тяжелые 1990-е годы селькупы здесь съели всех оленей. Тогда власти закупили в соседних оленеводческих районах новых оленей (было сделано несколько попыток) и раздали селькупским семьям, стали выплачивать субсидии на содержание каждого оленя. Тем самым было сохранено оленеводство тазовских селькупов — исконный вид их хозяйственной деятельности. В Красноярском крае субсидии на содержание оленей тоже выплачиваются, но оленеводство баихинских селькупов прекратилось еще в конце 1970-х, и никто даже не пытался его восстановить. Лучше в Тюменской области поддерживается

и традиционная культура — в каждом районном центре есть свой Центр национальных культур (ЦНК) и Дом ремесел. В Туруханском районе этого нет. Можно привести в пример еще обустройство национальных сел: постройку в них клубов, школ, интернатов, жилых домов для лиц из числа КМНС — и здесь Красноярский край уступает Тюменской области.

Подводя итог работы, нельзя не сделать очевидного вывода: тазовские и туруханские селькупы имеют один язык, одну культуру, занимаются одними и теми же видами хозяйственной деятельности, у них наблюдаются схожие тенденции к изменению и аналогичные современные проблемы. Поиск различий между ними потребует отдельного исследования. Несмотря на 70 лет разного административного подчинения (отсчет ведется с 1944 г., когда была образована Тюменская область), эти две группы северных селькупов по-прежнему остаются одним народом.

Источник

ПМА 2014 г.

Библиография

Степанова О.Б. Современное положение коренных малочисленных народов Севера в Красноселькупском районе ЯНАО // Сибирь на рубеже тысячелетий: традиционная культура в контексте современных экономических, социальных и этнических процессов: сб. ст. СПб., 2005. С. 30–66.

Степанова О.Б. Традиционное хозяйство северных селькупов: итоги реанимационных процессов первого десятилетия XXI в. (по материалам полевых исследований 2004–2012 гг.) // Материалы полевых исследований МАЭ РАН. СПб., 2013. Вып. 13. С. 6–22